

Глава 730: Темнейшая тень

В тот день, когда Евнух Линь вошел в Ортодоксальную Академию, чтобы зачитать указ, Чэнь Чаншэн сказал что-то похожее.

Шан Синчжоу в то время был во Дворце Ли, разговаривая с Попом. Его ответ тогда был очень похожим на его ответ сейчас.

«Действительно по-ребячески».

В лице Чэнь Чаншэна все еще было чувство ребячества, но каждый мог видеть твердость его манер.

Он знал, что его взгляд не ошибался.

Божественная Императрица Тяньхай уже была мертва, Поп вернулся в море звезд, Лорд Демонов упал в бездну, а Ван Чжицэ закрылся от мира. В мире сейчас было очень мало людей, которые могли бы послужить соперниками Шан Синчжоу.

Его сердце Дао было ярко зажжено, его Дао было совершенно беспрепятственным, а его культивация - непостижимо глубокой.

Он правил над Династией Великой Чжоу и обладал дружбой с Городом Белого Императора.

Он казался неуязвимым, практически в состоянии идеала.

Но у него все еще была дыра, недостаток.

Его недостатком был не какой-то другой человек, а тот факт, что ему никогда не нравился его молодой ученик Чэнь Чаншэн.

У старого храма Деревни Синин был расположен маленький ручей. Цветы падали в этот ручей и плыли вниз по течению.

В храме было три тысячи даосских писаний, но три человека внутри - учитель и его два ученика, культивировали только одно: следование их сердцу.

Следование собственному сердцу было невероятно грозным Дао.

Стоять под звездным небом и держать свою голову поднятой с чистым сознанием, поворачивать собственную голову без сожалений. Только так человек мог ничего не почитать, ничего не бояться, обладать ярко зажженным сердцем Дао и беспрепятственным Дао.

За те десять лет, проведенных в старом храме Деревни Синин, Шан Синчжоу ни разу не обучал Юй Жэня и Чэнь Чаншэна какому-либо Дао, он только заставлял их читать даосские писания, но как только они начали взаимодействовать с самими методами культивации, они начали продвигаться с внушительной скоростью. Чэнь Чаншэну понадобилось три года, чтобы совершить прорыв в Конденсацию Звезд, А Юй Жэнь смог свободно ходить среди Монолитов Небесных Томов. И все это было из-за их Дао.

Соответственно, у этого Дао были невероятно высокие требования к сердцу, требующие, чтобы оно было как снежный лотос на вершине уединенной горы. Ни одна пылинка не могла загрязнить его.

Как человек мог предотвратить влияние внешних вещей? Как он мог обладать непоколебимой волей и самоуверенностью?

Нужно было помнить только одно слово: сердце.

Требовалось только убедить себя самого.

Если человек сможет убедить себя, что этот путь был правильным, то, согласно собственному сердцу... он, естественно, будет следовать собственному сердцу.

Это звучало очень просто, но в действительности вовсе не было просто.

Если провести поиск в глубочайших глубинах собственной души, если закрыться в темной комнате, отрезанной от мира, сколько людей действительно скажет, что они ни о чем не сожалеют? Кто сможет так твердо верить, что все сделанное им - правильно?

Несколько сотен лет назад Шан Синчжоу все еще был членом законной линии Ортодоксии. Он мог шагать по пути, проложенному для него, пока не стал бы Попом, но он выбрал другой путь. Он использовал личность Даосиста Цзи, чтобы жить в этом мире, а когда Даосист У рисовал портреты Павильона Линъянь, он был ответственен за отправку субъектов этих портретов в море звезд. Лица на этих портретах были героями человечества, достойными наград министрами Великой Чжоу, и все они погибли в этом хитросплетенном плане. Кто-то из них был готов встретить свою смерть, как Божественные Генералы Цинь Чжун и Юй Гун, но что насчет других герцогов?

Героические духи Павильона Линъянь всегда смотрели на Шан Синчжоу. Возможно, те злопамятные духи, которые погибли еще раньше в Саду Сотни Трав, тоже все это время смотрели на Шан Синчжоу. Невинные, которые погибли в недавнем хаосе, предположительно тоже смотрели на него. Но ничто из этого не могло затронуть сердце Дао Шан Синчжоу, потому что у него было много причин, которыми он мог убедить себя.

Он с презрением рассматривал так называемых безжалостных индивидов, отсекающих свои эмоции, больше всего презирал таких интриганов, как Черная Роба, не смевших видеть свет дня. Он считал себя преемником Императора Тайцзуна, и так как его сердце охватывало мир, он, естественно, игнорировал мелкие детали. Это было необходимой ценой за существование Династии Великой Чжоу на десять тысяч лет вперед, чтобы у человечества смогло быть ослепительное будущее.

Но все еще был один вопрос, касательно которого даже сейчас Шан Синчжоу не мог найти подходящей причины убедить себя, и этим вопросом был Чэнь Чаншэн.

Да, деревянный таз, плывущий по ручью, младенец в тазе, и свисающий ус Золотого Дракона были частью этого плана.

Но когда он впервые обратил свой взгляд на Чэнь Чаншэна, тот не был похож на Герцога Вэя, Ван Чжицэ, Тяньхай, генерала, правящего регионом, какого-то богатого отпрыска, обладающим невообразимым богатством, наложницу, искавшую власть с помощью своей красоты, отвратительного евнуха, какого-то пылкого ученого из Королевства У, любившего интеллектуальные беседы, какого-то старого и опытного канцлера, восхищающегося перьями. Это был просто... младенец.

Это был младенец, который даже не мог открыть глаза, несведущий и незнающий младенец, младенец без добра, зла или каких-то мыслей.

Он не мог найти ни одной причины, чтобы убедить себя в том, что его действия были правильными.

В эти четырнадцать лет каждый раз, когда он смотрел на Чэнь Чаншэна, в его голове росло сомнение, на его сердце Дао падала тень.

Жизнь в старом храме Деревни Синин была очень простой, и не встретиться было во много раз сложнее, чем встретиться.

Чэнь Чаншэн преобразился из младенца в юношу, как весенний ветерок.

Тень над сердцем Дао Шан Синчжоу уже стала плотной, как ночь.

.....

.....

«Я знаю, что Учитель не испытывает вины на мой счет, что в этой ситуации нет добра и зла. Только вот вы не можете убедить себя, а самоубеждение всегда оставалось для вас самым важным».

Чэнь Чаншэн сказал Шан Синчжоу: «Поэтому для вас моё существование - пугающая вещь».

Прежде, чем Буддизм был уничтожен, в нем однажды была фраза, называемая 'сердечной преградой'.

Сейчас он был преградой сердца Шан Синчжоу.

Шан Синчжоу был готов израсходовать все свои ресурсы, чтобы устранить эту сердечную преграду, ведь только так он сможет убедиться, что его сердце Дао останется ярко зажженным.

Он надеялся, что Чэнь Чаншэн умрет, но не мог лично сделать это, так как это не даст эффекта. Наоборот, это только усугубит сердечную преграду и лишит его возможности стереть ее.

Несколько дней назад, даже если бы Юй Жэнь не использовал такой решительный метод, чтобы вынудить его остаться во дворе, он бы отправился не к алее Северного Военного Департамента, а во Дворец Ли.

Ранее, на Божественном Пути Мавзолея Книг, он прошел по Божественному Пути мимо Чэнь Чаншэна, даже не взглянув на него и не прилагая усилий, чтобы попытаться помешать ему забрать тело Божественной Императрицы, потому что уже придумал, что делать раньше.

Он хотел использовать это, как оправдание естественной смерти Чэнь Чаншэна от руки кого-то другого.

Он несколько раз был близок к успеху.

Например, когда Евнух Линь хотел устранить угрозы и преграды, мешающие молодому императору удерживать власть, он использовал тело Божественной Императрицы Тяньхай для создания проблем. Он в тайне хотел использовать это, чтобы убить Чэнь Чаншэна, но он не достиг успеха.

Например, несчастье Сюэ Синчуаня и Чжоу Тун, как приманка, предназначались для провокации Чэнь Чаншэна, после чего тот нападет первым и будет убит.

«К сожалению, ничто из этого не достигло успеха», - сказал Чэнь Чаншэн.

«Я не думал, что ты уже понял всё, но это не имеет значения».

На лице Шан Синчжоу было видно сожаление: «Если бы не Ван По, то в тот день ты бы умер от рук Те Шу».

Когда Евнух Линь внезапно атаковал Ортодоксальную Академию, Чэнь Чаншэн уже понял все, но он все еще испытывал некоторую грусть о сожалении его учителя.

Шан Синчжоу продолжил: «Я дал клятву твоему боевому дяде, что не буду атаковать, и остается тот факт, что я не делал этого. Ни Линь, ни Чжоу не были намеренным планом; все это произошло естественным образом. Если ты будешь настойчиво оставаться в столице, будет происходить все больше и больше подобных вещей, и у этого не будет никакого знака моего влияния».

Было трудно сказать, что было истиной или ложью в этих словах, но не было необходимости говорить.

Намерения человека всегда дрейфовали между истиной и ложью. Даже если кто-то увидит все вариации, он не сможет различить их.

На стене академии на другой стороне озера появилось около десяти облаченных в синее даосистов.

У этих даосистов были непостижимые культивации, а вокруг их рукавов витало неясное намерение убийства.

(прим.пер. англ. глав не будет до 8 января, так что 731 глава будет только к 8-9 января)

<http://tl.rulate.ru/book/1222/222144>